

MATE KAPOVIĆ, 2016:
POVIJEST HRVATSKE
AKCENTUACIJE. FONETIKA.

Zagreb: Hrvatske matica. 1046 p.

Книга молодого хорватского языковеда М. Каповича — первое столь фундаментальное исследование заявленной в заглавии темы¹. Предмет чрезвычайно важен для изучения славянской, балто-славянской и индоевропейской акцентологии. Не будет преувеличением сказать, что именно сербохорватское ударение является одним из наиболее архаичных среди всех славянских. Здесь сохранилось тоновое ударение, воспроизводящее, пусть и в изменённом виде, акут и циркумфлекс, которые в других языках отражены лишь косвенно (только в словенском языке сохранились тоны, причём акут представлен восходящей интонацией). Акут превратился в краткую нисходящую интонацию, циркумфлекс — в долгую. В восточнославянских языках различие в древних интонациях проявляется в месте ударения (только в рефлексах праславянских *or, *ol); в чешском — в долготе на месте старого акута. В чакавских диалектах, в отличие от штокавских (см. прим. 1) старое

ударение остаётся и в многосложных словах. Общим для многих сербохорватских диалектов является сохранение исконных, утраченных в других славянских языках долгот.

В литературном же языке имеется пять основных интонационно-акцентуационных характеристик: нисходящая краткость (˘), наследие старого акута; нисходящая долгота (˘˘), наследие циркумфлекса; восходящая краткость (˙), развивается вследствие ретракции ударения на краткий слог; восходящая долгота (˙˙) — ретракция на долгий слог; безударная долгота (˘˘). Автор совершенно справедливо утверждает, что ударение и долгота имеют в сербохорватском фонологическое значение: *kùpiti* ‘соединять’ — *kùpiti* ‘торговать’, *vòdite* ‘вы водите’ — *vòdite* ‘водите’ (императив), *glàsā* ‘голоса’ (род.п.) — *glàsā* ‘он говорит’ и т.д. Примечательно, что все эти различия закономерно объясняются историей ударения: *kùpiti*, *vòdite* происходят из форм с акцентом на предпоследнем слоге, имя несло циркумфлекс, глагол — акут. Так праславянская акцентуация преобразуется в штокавскую.

Книга построена по принципу восхождения от современного состояния к реконструкции и обратно:

¹ Без политики здесь не обошлось. Автор рассматривает все диалекты — штокавские, чакавские и кайкавские, совершенно справедливо уделяя больше всего внимания первым: на них основан литературный язык, функционирующий как в Республике Сербия, так и в Хорватии (несмотря на то, что на территории этого государства в основном и существуют чакавские и кайкавские диалекты). Но только в штокавских диалектах присутствует ретракция акцента с конечных слогов на предшествующие (с развитием восходящего ударения). Именно эта черта характерна для литературного языка, принятого и в Сербии, и в Хорватии, и в Черногории, и в Боснии и Герцеговине (В англоязычной славистике и принят термин *Bosnian-Croatian-Serbian-Montenegrin*). Поэтому корректнее будет говорить о сербохорватском ударении.

начинается с общих характеристик ударения в штокавских, чакавских и кайкавских диалектах, затем автор переходит к праславянской акцентуации, её рефлексам не только в сербохорватских диалектах. но и в словенском, болгарском, македонском, затем в западнославянских — и чешском, словацком, верхнелужицком, польском и словинском, затем в восточнославянских — русском, украинском, белорусском. После такого детального обзора автор переходит к праславянской акцентологии, особое внимание уделяя парадигме *b* (конечноударной). Также автор зоостряет внимание на колебаниях типа *sěla — *na selǎ* (мн. ч.), переходу *žěna* в *ženǎ*. В следующей главе представлен обзор ударения в литовском, латышском и древнепрусском языках, на основании чего делается вывод о характере балто-славянского ударения. Автор соглашается с мнением о наличии в балто-славянском двух именных акцентуационных парадигм — неподвижной и подвижной, и их вариаций, связанных с разными интонациями слога. После краткого обзора системы ударения в индоиранских, греческом, германских, анатолийских языках автор переходит к индоевропейской реконструкции. Вслед за В. М. Иллич-Свитычем (1963) и В. А. Дыбо он подчёркивает, что подвижная парадигма соответствует индоевропейской окситонезе, а неподвижная — баритонезе: *rātas* (2) ‘колесо’ — вед. *rāthas*; *dīēvas* (4) ‘бог’ — др.-инд. *devás*; *maīśas* (4) ‘мешок’ — др.-инд. *meśás* ‘шкура’. От этого правила есть отступления: лит. *žam̃bas* (4) — др.-инд. *jāmbhas* ‘зуб’, *pilis* (4) ‘город’ — греч. *πόλις*. М. Капович полагает, что указанные литовские имена ранее склонялись

по 2, т. е. неподвижной парадигме. В некоторых случаях балто-славянское ударение находит непосредственные параллели в других индоевропейских языках: *небо* — греч. *νέφος*, др.-инд. *nābhas*; лит. *sūnūs* ‘сын’ — др.-инд. *sūnūs*. Но ряд фонетических и акцентологических процессов сформировали отличия. Таковы балто-славянская метонимия, развитие на базе *b* и *c* новой парадигмы *d* в праславянском (с баритонезой в формах именительного и винительного падежей ед. и мн. ч., остальные же падежи окситонны). Отдельный экскурс посвящён суффиксам **-ina*, **-inь*, **-itь (-ič)*, **-išče*. В них чередуются акутовые и неакутовые интонации, что находит отражение в фиксации ударения в разных позициях (при акуте на суффиксе). Следующая глава посвящена мобильности ударения в праиндоевропейском. Автор полагает, что литовский сохранил в значительной части общеиндоевропейскую подвижность ударения, сравнивая греч. *ἀρῆν* ‘баран’: род. п. *ἀρνός* и лит. *vanduō* ‘вода’: род. п. *vandėñs*. Индоевропейское ударение определяется как тоновое.

Затем автор возвращается к славянским языкам, рассматривая судьбу нового акута, сокращение предударных долгот, удлинение кратких перед сонорными и т. д.; после этого к (сербо)хорватской акцентуации. Изложение строится во многом на материале истории отдельных слов.

Труд М. Каповича поистине фундаментален. Его можно назвать энциклопедией сербохорватской акцентуации. Нет сомнения, что специалисты по славянской и балтийской акцентологии будут регулярно к нему обращаться. Мы бы хотели

взглянуть на его монографию с позиции индоевропеиста.

Праиндоевропейскую акцентную систему М. Капович рассматривает в соответствии с тоновой теорией В. А. Дыбо, с одной стороны, Эрлангенской школой — с другой. Поэтому в его книге присутствует деление имён на акростатические, протеродинамические, гистеродинамические и голокинетические имена. Такова практика стандартных учебников. Но именно в Эрлангенской школе неизменно подчёркивается связь акцента и аблаута, фактически отрицаемая школой Иллич-Свитыча—Дыбо (так называемой Московской акцентологической школой). Следовательно, для соединения эти различных подходов к реконструкции праиндоевропейского ударения необходимо хотя бы поставить вопрос о происхождении апофонии. В этой связи интересно мнение создателя одного из вариантов Эрлангенской реконструкции (так называемой Лейденской) — Р. С. П. Бекеса (Beekes 2011). В его учебнике отдельная глава посвящена вопросу о тоновом характере индоевропейского праязыка (Ibid. 149). Но в главе, посвящённой аблауту, исследователь признаёт, что силовое и тоновое ударение существовало в разные эпохи.

С моей точки зрения, весьма спорен тезис о праиндоевропейском как исключительно тоновом языке. Конечно, когда Е. Курилович (Kurjłowicz 1952) полностью отрицал тоновый характер праиндоевропейского ударения, это было крайностью. В пользу наличия тонов свидетельствуют обнаруженные ещё Фортунатовым и Соссюром соответствия балто-славянского акута и греко-арио-а не приходится. Иначе

был бы необъясним количественный аблаут, в котором все ветви индоевропейской семьи обнаруживают полное единство: греч. *λείπω*: ἔλιπον ‘оставлять’ = лит. *liẽka: liko* ‘то же’. И, хотя в литовском претерите корневое ударение, греческие неличные формы (причастие *λιπών*, инфинитив *lirēin*) вкупе с 0 ступенью корня свидетельствуют о первоначальной постановке его на тематическом гласном. Уже это свидетельствует о сложных отношениях между праиндоевропейском и балто-славянском ударении. В глаголе, как видим, они резко расходятся. Типологически это можно сопоставить с древнегреческим, где в личных формах господствовала ретракция, а у причастий и инфинитивов окситонеза служила характеристикой только сигматических аористов и перфектов. Ещё сложнее взаимоотношение склонения и акцентуации в лит. *duktẽ*, др.-инд. *duhitár*, греч. *δύαττῆρ*, где только комплексное исследование позволяет восстановить судьбу акцентных парадигм в каждом языке (Kiparsky 1973). Конечно, интересны приводимые М. Каповичем параллели между гомеровским *δύαττα* — лит. *dũkteri* (вин. п. ед. ч.), *δύαττες* — *dũkteres* (им. п. мн. ч.). Но в греческом ретракция привела к 0 ступени суффикса (а при её отсутствии — полная ступень: *δύατέτα* = др.-инд. *duhitára*), в литовском — нет. Кроме того, форма дательного падежа в греческом окситонна или ударна на суффиксе (*δύατέρι*, *δύατρι*), в литовском — на корне (*dũkteriai*). И вызванный силовым подвижным ударением количественный аблаут остаётся самым надёжным индикатором первоначального места акцента, так как собственно акцент был подвержен

изменениям, причины которых далеко не всегда ясны². В древнегреческом и древнеиндийском существует класс имён, различаемых только ударением. Баритонное имя обозначает действие, окситонное — деятеля или эпитет (тип *τόμος*—*τομός*, Benveniste 1935; Krasukhin 2004). Наследием этого типа является то, что в литовском прилагательные склоняются по подвижным парадигмам, образованные у них существительные — по неподвижным (*saldūs* (3) ‘сладкий’ — *saldė* (2) ‘солодовый квас’, *saldis* (2) ‘сладость’).

Наши замечания вовсе не означают отвержения большого труда Мате Каповича, который, вне всякого сомнения, будет широко использоваться в исследованиях по славянской и индоевропейской акцентологии.

ЛИТЕРАТУРА

- В. А. ДЫБО, 1981: *Славянская акцентология*. М.
 В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ, 1963: *Именная акцентуация в балтийском и славянском*. М.
 Robert S. P. BEEKES, 2011: *Comparative Indo-European Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia.
 Emile BENVENISTE, 1935: *Origines de la formation des noms indo-européennes*. Paris.
 Paul KIPARSKY, 1973: The inflectional accent in Indo-European. *Language* 49/4, 794–849.
 Konstantin KRASUKHIN, 2004: Archaic Features of Indo-European Word Formation:

The Greek and Old Indic type *τόμος* – *τομός* in a PIE perspective. *Indo-European Word Formation: Proceedings of the Conference held at the University of Copenhagen*. Ed. J. Clackson and B. Olsen. Copenhagen.

Jerzy KURYLOWICZ, 1952: *La accentuation en indo-européen*. Wrocław et al.

К. Г. Красухин

Москва

RANKO MATASOVIĆ, 2016:
LINGVISTIČKA POVIJEST
EUROPE. Zagreb: Matica hrvatska.
 339 str.

Predstavljanje lika i djela Ranka Matasovića na samo nekoliko stranica uistinu je nezahvalna zadaća jer uvijek postoji opasnost da će se o tom znanstveniku svjetskog renomea reći nešto što je već svima opće poznato ili da će se pak, što je puno vjerojatnije, iz njegova opširna životopisa izostaviti koja važna činjenica. Bilo kako bilo, Ranko Matasović (rođ. 14. svibnja 1968.) redoviti je profesor na Odsjeku za lingvistiku Filozofskoga fakulteta u Zagrebu, na kojem predaje kolegije iz poredbene gramatike indoeuropskih jezika, keltistike i jezične tipologije, a u svojoj uskoro 30-godišnjoj znanstvenoj karijeri iz tih je područja sveukupno objavio 12 knjiga. Drugim riječima,

² Очевидно, это судьба подвижного ударения там, где его позиция не имеет определённой функции. Примеров изменения акцентуации много в русском языке. Ср.: *Скромна, а ничего кромѣ!* // *Проказ и ветра на уме* (А. С. Грибоедов); *В ком есть и совесть, и закон, тот не укрáдет, не обманет!* // *В каки́ бы ну́жде ни был он* (И. А. Крылов).